

КРИЗИСЪ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА.

Постойте! Напередъ узнайте, чѣмъ душа
У васъ исполнена — прямымъ ли вдохновеньемъ,
Иль необузданнымъ однимъ пополизновеньемъ...

Пушкинъ.

Мечты людей, какъ сны больного, дикн.

Тютчевъ.

Современное искусство переживаетъ глубокой и длительный кризисъ. Разложились его подпочвенныя основы; замутились его источники; оскудѣлъ его духъ. Оно перестало быть источникомъ жизненнаго воздуха и свѣта. Оно не можетъ уже ни строить душу, ни вести ее. Оно уже не призвано къ духовной власти; и если оно проявляетъ еще какую-нибудь силу, то это есть сила паденія и распадѣнія, сила бродящаго гниенія и обсыпанія, сила темной магіи и гибели. Поколѣнію, ищущему духовнаго подъема, расцвѣта и созиданія — это искусство не можетъ ничего сказать, ибо это искусство движется внизъ, по линіи наименьшаго сопротивленія, въ бездну. Творческое поколѣніе отвергнетъ его, и найдетъ себѣ, и создастъ себѣ иное искусство, магическое по благодати, строящее духъ и ведущее душу. —

Есть въ человѣкѣ безмолвная, темная глубина — таинственное жилище его инстинкта и его страстей. Тамъ нѣтъ словъ и мыслей; и произволь дневнаго сознанія тамъ не властенъ. Именно тамъ укрываются первоначальныя, стихійныя силы человѣка, жаждущія простора, но непризванныя къ власти; и именно тамъ зарождаются и отстаиваются основныя содержанія человѣческой жизни въ видѣ безформенныхъ глыбъ и неопредѣлимыхъ, безграничныхъ помысловъ. Безпомощно терпя, томясь и страдая, носить человѣкъ въ своемъ безсознательномъ эти силы и вынашиваетъ эти содер-

жанія, смутно ощущая въ себѣ ихъ присутствіе, но не зная, какъ къ нимъ подступиться и что съ ними начать, не умѣя ихъ очистить, оформить, взростить и одухотворить... — и именно поэтому слишкомъ часто самъ становясь ихъ слѣпымъ орудіемъ и жертвою. Безвластный и неумѣлый передъ ними, человѣкъ самъ подпадаетъ ихъ власти и вовлекается ими въ ихъ самовольные вихри и бури. И только искусство можетъ помочь ему въ этой бѣдѣ, ибо оно создастъ творческій исходъ для этихъ содержаній, рождая ихъ изъ глубины, прожигая ихъ зрѣлымъ духомъ и облакая ихъ въ вѣрную форму; и только религія можетъ окончательно вывести человѣка изъ этой беспомощности и этого рабства, вручая ему черезъ молитву подлинную и благодатную власть надъ этими силами.

Въ послѣднемъ и глубокомъ измѣреніи искусство и религія дѣлаютъ единое и главное дѣло: дѣло одухотворенія бессознательнаго, дѣло его обращенія къ Божественному, дѣло его преображенія. Но религія не останавливается подобно искусству на извлеченіи и одухотвореніи отдѣльных, бременящихъ душу содержаній; и воплощеніе ихъ въ звукъ, въ словъ, въ жестъ и въ матерію не составляетъ ея высшей задачи; нѣтъ, религія ищетъ завладѣть самыми истоками бессознательной жизни, ея первоначальнѣйшими силами и имъ придать благодатную одухотворенность; она прямо и непосредственно взываетъ къ духовному естеству человѣческаго инстинкта и стремится увести его на новые пути жизни. И если религіи это не удастся, если инстинктъ и его страстные порывы перестаютъ отзываться на религіозные зовы, образы и знаки (молитвы, догматы и обряды), если бессознательное упорно утверждаетъ себя въ безбожии и противодуховности, — тогда наступаетъ религіозный кризисъ въ исторіи человѣчества; тогда жизнь людей постепенно, но неизбѣжно вырождается вся, сверху до низу, и въ этомъ процессѣ всегда, рано или поздно, обнаруживается безсиліе одинокаго безрелигіознаго искусства: влѣдъ за религіозностью и оно вступаетъ въ періодъ кризиса и разложенія. Ибо изъ религіозно мертвенныхъ и безбожныхъ нѣдръ бессознательнаго — никогда еще не возникало и никогда не возникнетъ истинное художественное искусство.

Именно въ такой періодъ вступило европейское искусство во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка и атмосфера этого кризиса и разложенія захватила и русское искусство (преимущественно поэзію и музыку) четверть вѣка тому назадъ.

Можетъ ли и могло ли быть иначе, если давно уже скудѣетъ, мутится и разлагается безсознательная духовность въ современномъ человѣкѣ?.. — Напрасно думать, что духовность есть нѣчто сознательное: нѣтъ, глубочайшіе и драгоцѣннѣйшіе истоки духовности лежатъ глубоко въ безсознательномъ; и горе человѣку, въ которомъ воспитатель не сумѣлъ оживить эти источники, очистить ихъ и укрѣпить! Живая духовность есть чувство священнаго и любовь къ Божественному. И если это чувство и эта любовь мертвенно молчатъ въ ирраціональной глубинѣ души, то человѣкъ никогда не испытаетъ ни вѣры, ни молитвы, ни очевидности, ни убѣжденія, ни совѣсти, ни чести, ни патриотизма, ни духъ захватывающей радости отъ воспріятія художественной красоты... Онъ останется за предѣлами художественнаго, мимоидущимъ слѣпцомъ; онъ не восприметъ его и не создастъ его самъ. А то, что онъ создастъ, будетъ жалкой и растлѣнной пародіей на искусство...

Искусство рождается въ глубинѣ безсознательнаго, тамъ, гдѣ самъ человѣкъ теряетъ грани своей личности, уходя въ темень первозданнаго инстинкта, въ таинственное жилище своихъ страстей. И если это жилище не прожжено молніей духа; и если потокъ инстинкта течетъ однѣми черными, духовно не сверкающими водами, — тогда рождается не художественное, а больное искусство. Ибо страсти безъ духа незидительны, а разрушительны; и содержанія ихъ, по самому ихъ естеству, враждебны всѣмъ началамъ художественности.

Бездуховная страсть болѣетъ своею собственной несытостью; она своекорыстна, необуздана, чувственна и извращенна. Она ищетъ наслажденія и бѣжитъ отъ напряженія, труда и муки творчества. Она не желаетъ восходить къ зрѣлой художественности по линіи наибольшаго сопротивленія, но самодовольно и шумливо течетъ внизъ, по линіи наименьшаго сопротивленія. И въ этомъ разнузданномъ и разнуздывающемъ потокѣ своемъ она смызаетъ и уноситъ изъ самаго сознанія — волю къ художествен-

ности, дисциплинирующую энергію, героическую силу отбора и самокритики.

И вотъ, ея безграничныя содержанія перестаютъ стремиться къ зрѣлой формѣ и начинаютъ чуждаться ея; ея страстные, безформенные помыслы уже не желаютъ знать ни мѣры, ни зыждущаго ритма, ни цѣльности; законъ имъ отвратителенъ: къ органичности ихъ не влечетъ; къ строительству они неспособны; завершенность имъ недоступна. Дѣти хаоса, они тянутъ къ вѣчному броженію и хаотическому распыленію, — въ бездну . . .

То «искусство», которое слагается на этомъ пути и выбрасывается изъ нѣдръ бездуховной души, — есть ничтожное, пошлое, мнимо искусство: это — пестрые и безвкусные, праздные обрывки несостоявнаго творенія; это больные выкрики, несущіеся изъ разлагающагося безсознательнаго; это нечистые слѣды нечистаго опьяненія, — явные знаки духовнаго безволія, немощи и распушенности . . . И сквозь всю эту, обычно напыщенную и самодовольную, претенціозную смуту — лишь тамъ и сямъ всплываютъ безобразные обломки безобразныхъ замысловъ: какія-то безначальныя чудовища, безстыдные уроды, неестественные выверты и противоестественныя химеры, еще неродившіеся или полураздавленные слизняки . . .

Искусство это или скверный бредъ? Художественное творчество или растлѣніе духа? Культура или гніеніе?

Не душевная ли болѣзнь?!

Велушивались ли вы въ то, о чемъ вопить и вскрикиваетъ музыка Рихарда Штрауса, Скрябина и заразившихся отъ нихъ «новаторовъ», куда она васъ тянетъ и чѣмъ она васъ заражаетъ? Слѣдили ли вы за тѣмъ, въ какую духовную смуту, въ какое религіозное растлѣніе вели насъ русскіе предреволюціонные поэты, начиная отъ Блока, Бѣлаго, Вяч. Иванова и кончая постыдными именами современной совѣтчины? Вдумывались ли вы въ то мучительное разложеніе живописнаго образа, которое началось лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ во Франціи, которое достигло своего апогея въ бредѣ Пикассо и медленно отравляло молодое поколѣніе русскихъ живописцевъ? Всмотривались ли вы въ современные танцы, гдѣ чело-вѣкъ выплываетъ въ ритмахъ негритянской оргіи безвольную растлѣнность своего безсознательнаго? Чтò это все — искусство или гніеніе? Чтò дѣлается въ безсознательномъ у лю-

дей, которые э т о м у предаются и э т и м ъ наслаждаются? Какія судорожныя и отвратительныя, кощунственныя и сатанинскія гримасы вызываютъ они э т и м ъ въ себѣ? Не духовный ли это недугъ и не душевная ли болѣзнь?

И то, и другое . . .

Можетъ быть, люди, творящіе «современное» искусство, характерное для нашей эпохи, специфически дразнящее и плѣняющее «современнаго» человѣка съ его религіозной мертвотой, съ его духовнымъ худосочиемъ, съ его первою развинченностью и чувственной возбужденностью. — можетъ быть, люди, творящіе это искусство («модернизмъ»), сами по себѣ, въ обыденной жизни и не помѣшаны; и можетъ быть ихъ, какъ обывателей, и нѣтъ основаній лѣчить въ домѣ умалишенныхъ. Но, какъ «творцы» «искусства»,—они усвоили себѣ установку и укладъ духовно недугующихъ и душевно больныхъ людей; и «искусство», создаваемое ими, есть именно душевно больное искусство: и именно потому оно безпомощно бредитъ на языкѣ больныхъ страстей и безцензурно извергаетъ сырой матеріаль безсознательнаго, самочинно поднявшійся кверху. Это есть искусство н о м ѣ ш а н н о е , х у д о ж е с т в е н н о с у м а с ш е д ш е е , но выдающее себя за нормальное и терпимое проявленіе культуры; болѣе того — за высшее и «пророческое» достиженіе. Но сумасшествіе заразительно: больной или вывихнутый душевный механизмъ передается отъ человѣка къ человѣку на путяхъ незамѣтнаго воспроизведенія и произвольнаго подражанія (напр., «нервныя» подергиванія, пляска св. Витта, или всенародное плясовое бѣшенство въ средніе вѣка); и если сумасшедшій обезвреживается именно діагнозомъ и изоляціей, — «это болѣзнь, это опасно, этого не надо воспроизводить!» — — то наивно-довѣрчивое восприниманіе сумасшедшаго искусства, какъ «замѣчательнаго» и «высшаго» «художественнаго» «достиженія», дѣлало и дѣлаетъ его истиннымъ орудіемъ духовнаго разложенія. Это искусство д у х о в н о р а с т л ѣ н н о е и потому р а с т л ѣ в а ю щ е е . . .

Вывѣтрилась религіозность и оскудѣла духовность въ безсознательной глубинѣ современнаго человѣка. И потому въ творествѣ его обезсилѣлось и исчезло вдохновеніе. Но люди продолжаютъ нуждаться въ искусствѣ и «дѣлать» его. А вдохновенія нѣтъ; и вотъ мѣсто его занимаетъ или пестрымъ опьяненіемъ, создающимъ помѣшанное «искусство»,

или разсудочною выдумкою, создающею мертвое, трушное «искусство». Вотъ почему, когда «современное» «искусство» насыщено, то оно насыщено больною нечистью, тою самою нечистью, которая въ политикѣ создала большевизмъ; а когда оно пусто — то эта пустота проникнута запахомъ тлѣнія и гнили, явнымъ свидѣтельствомъ того творческаго безсилія, надъ которымъ такъ легко торжествуетъ міровая смута. Это уже не языкъ озаренія и боговъ, но или языкъ нестыдящейся животности, или языкъ произвольно изобрѣтающаго и безвдохновенно выдумывающаго разсудка; или вопли и судороги больныхъ страстей, или пустой трескъ изошренной и сознательно, нарочно бьющей на эффектъ выдумки.

«Современное» «искусство» перестало быть служеніемъ и притомъ священно-служеніемъ; оно стало забавою, созданною для возбужденія и раздраженія, — не то развратною потѣхою, не то безпринципнымъ промысломъ. Оно творится и расцвѣтаетъ въ атмосферѣ художественной безсовѣстности и духовной безответственности: здѣсь все позволено, что тѣшить несытую страстность или извращенный капризъ автора; здѣсь все допускается, что можетъ ослѣпить, раздражить, развлечь пресыщенную публику...

Въ этой атмосферѣ безпредметнаго «дерзанія» и безпринципной вседозволенности (подлинная стихія міровой смуты!)— слабѣетъ и угасаетъ великое начало художественнаго Вкуса. Не того «вкуса», который присущъ каждому обывателю, когда онъ для себя безапелляціонно рѣшаетъ вопросъ о томъ, что ему сегодня, сейчасъ и здѣсь правится, и что ему вдругъ почему-то разоправилось... Но того Вкуса, который равносильнъ въ искусствѣ голосу совѣсти; который отвѣтственно ищетъ совершеннаго, и именно потому властно отметааетъ случайное и несовершенное, какъ бы «пріятно», льстиво и эффектно оно ни было; того Вкуса, который ищетъ во что бы то ни стало точнаго и прекраснаго воплощенія для духовно значительной темы; который есть самъ по себѣ явленіе живой религіозности въ человѣкѣ; который, какъ властелинъ, стоитъ на стражѣ поднимающихся снизу воспареній, отдаваясь однимъ и отсылая другія назадъ въ темную глубину...

Этот Вкусъ есть самъ по себѣ и трибунальъ безсознательной духовности, и религиозное вдохновеніе, и напряженно-требовательная воля, и творчески выбирающая цензура, и по-нуждающая сила, и художественная прозорливость, и чувство прекраснаго. И если онъ есть воля, — то воля къ духовной значительности создаваемаго творенія, къ его органическому единству, къ его естественности, и художественной законченности. И если трибунальъ — то это тотъ самый трибунальъ, передъ лицомъ котораго чувствовалъ себя двадцатичетырехлѣтній Пушкинъ, когда онъ, негодующе отвергая грубую поправку цензора, восклицалъ: такъ «я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать!..» —

Гдѣ эта совѣсть у современныхъ «искусителей» и «искусниковъ»? Гдѣ эта вѣрность художественному долгу, это острое чувство своей художественной власти и ея предѣловъ, это сознание того, что эстетически-неисполненное — преступно передъ голосомъ нѣкоего суди?! Такъ, художественный гений — есть сразу подсудимый и судія, «всѣхъ строже» умѣющій цѣнить свой трудъ... И его творчество есть служеніе; а его служеніе есть «священная жертва» зовущему Богу... И именно поэтому его искусство не знаетъ ни личной похоти, ни холодно кощунственной выдумки... Гдѣ это все въ «искусствѣ» модернизма?..

Кризисъ «современнаго» «искусства» состоитъ въ томъ, что оно утратило доступъ къ главнымъ, священнымъ содержаніямъ жизни и погасило въ себѣ художественную совѣсть. О главномъ, о священномъ, о мудромъ — современному искусству нечего сказать; ибо тѣ, кто его «творятъ», — не испытываютъ, не воспринимаютъ, не видятъ этого Главнаго. Но именно поэтому «современное» «искусство» — или просто удовлетворяется ничтожнымъ и пошлымъ (модернистическая живопись, французскіе романы, поэзія Сѣверянина, беллетристика Бѣлаго, новая архитектура южно-германскихъ городовъ, подавляющее большинство кинематографическихъ пьесъ, музыка Стравинскаго и Прокофьева), или же пытается выдать свои созданія за какія-то высшія «пророческія» прозрѣнія и достиженія, по хлыстовски смѣшивая блудъ и религію (поэзія Блока и Иванова,

«экстазы» и «мистеріи» Скрябина и другое). Читая это, слушая это, видя это — нельзя не испытывать чувства стыда и тоски: мучительно стыдно, что они не стыдятся «творить» такъ и такое, что они сознательно и открыто не постѣснились погасить въ искусствѣ тотъ священный трибуналъ Духа и Вкуса, который въ душѣ помѣшаннаго угасаетъ неволью, катастрофически, вслѣдствіе напора безвыходно кипящихъ страстей...

Поистинѣ большевицкая революція осуществила въ имущественныхъ, государственныхъ и общекультурныхъ отношеніяхъ, именно то самое упоеніе вседозволенностью, именно тотъ самый бредъ страстей и похоти, именно ту самую идеализацію грѣха, именно то самое разнузданіе инстинкта, которое въ искусствѣ осуществляло у насъ это предреволюціонное поколѣніе «модернистовъ». И большевицкое искусство, начиная отъ Мейерхольда и кончая Шершеневичемъ и Маяковскимъ — только довершило по своему все это разложеніе и проявило этотъ кризисъ съ вызывающимъ безстыдствомъ сущаго помѣшательства.

Быть можетъ весь этотъ разливъ предреволюціоннаго модернизма, дѣйствительно «пророчески» предвосхищавшаго грядущее всеобщее революціонное разложеніе страны, не достигъ бы такого размѣра и глубины, если бы у насъ стояла на высотѣ художественная критика. Но художественная критика или отсутствовала, или страдала тою же духовною слѣнотой и тѣмъ же извращеніемъ вкуса: не было мужественныхъ прозорливцевъ, не было сильныхъ и глубокихъ судей, которые вскрыли бы этотъ недугъ, разоблачили бы его опасную и гибельную сущность, пригвоздили бы всю нецензурность и соблазнительность этого мнимаго, этого помѣшаннаго «искусства». И понятно, что слѣнота или потаканіе профессиональной критики оставляла въ безпомощности или повергала въ прямой соблазнъ читающаго и слушающаго обывателя. Въ искусствѣ царилъ своего рода психозъ безвкусіа, извращенія и претенціозности; и этотъ психозъ, предвыявляя ближайшія судьбы Россіи, распространялся безпрепятственно, постепенно пріучая людей не поддерживать своего духовнаго хребта и не дорожить имъ, предаваться всѣмъ соблазнамъ, принимать въ серьезъ всѣ свои

капризы и выверты, и, осыпаясь въ бездну по линіи наименьшаго сопротивленія, наслаждаться этой «художественной» психастеніей, т. е. душевнымъ разслабленіемъ...

Всякое произведеніе искусства — указываетъ людямъ извѣстный путь; оно ведетъ и учитъ. Такъ обстоитъ всегда, независимо отъ того, хотѣлъ самъ художникъ кого-то «вести» и чему-то «учить», или не хотѣлъ; и это «ученіе» и «водительство» обычно осуществляется тѣмъ вѣрнѣе и проникаетъ тѣмъ глубже, чѣмъ меньше оно входило въ намѣренія художника, чѣмъ меньше нарочитости и тенденціозности, чѣмъ больше самозабвенности и непосредственности отразилось въ самомъ произведеніи. Изобразилъ ли авторъ прозрачность и покой, или тревогу и смятеніе; пропѣлъ ли онъ о цѣломудріи и любви, или объ утратѣ и скорби — онъ двинулъ этимъ въ душу зрителя и слушателя, въ его воображеніе, въ его чувство, въ его внутренній опытъ вмѣстѣ со словами, образами и звуками — и самый предметъ свой (покой, или смятеніе, или цѣломудріе, или скорбь). Онъ какъ бы влилъ ихъ въ его душу, приобщилъ ее къ нимъ, заставилъ ее зажить ими; онъ какъ бы научилъ душу стать прозрачной или смятенной, онъ какъ бы повелъ ее къ утратѣ и скорби. Чѣмъ художественнѣе произведеніе, тѣмъ больше его покоряющая и заражающая, его ведущая и учительная власть. И понятно, что духовно значительное искусство воспитываетъ человѣка и строитъ его духъ, а духовно ничтожное и растлѣнное искусство — развращаетъ человѣка и разлагаетъ его духъ, и притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ угодливѣе и льстивѣе, чѣмъ эффектнѣе и «опьянительнѣе» его проявленія...

По сказанію древнихъ грековъ, музыка Орфея была такъ прекрасна и гармонична, она обладала такою логическою и зиждущею силою, что отъ звуковъ ея сами собою сложились стѣны его города. Истинное искусство всегда подобно музыкѣ Орфея: ибо ему присуща магическая и благодатная сила, строящая духъ, а не разлагающая его. Художественное искусство, заслуживающее своего имени, есть нѣчто отъ духа и для духа; а духъ имѣетъ свой ликъ, свои грани и стѣны, свои законы и ритмы, свои требованія, свою силу и свою мудрость. Пока человѣкъ будетъ скитаться по землѣ, любить и

страдать, трудиться и бороться, онъ будетъ закрѣплять въ искусствѣ тайныя мечты и прозрѣнія своего сердца, и искать въ художественныхъ образахъ — радости, цѣленія и умудренія. Но только духовная мечта будетъ давать ему радость и цѣленіе; и только духовное прозрѣніе будетъ его цѣлить и умудрять. Ибо бездуховное и противоположное искусство сѣветъ лишь соблазнить, расслабленіе и сразу. И когда мы видимъ нынѣ, какъ нали на нашихъ глазахъ градскія стѣны русскаго духа, какъ исказился ликъ Россіи, какъ извратились законы и ритмы ея жизни — мы должны видѣть и разумѣть, что произошло это отъ разложенія и расслабленія въ насъ бессознательной духовности.

Русскій художественный геній не угасалъ и не переставалъ творить за эти годы предреволюціонной и революціонной смуты. Съ нами вмѣстѣ, и здѣсь, въ зарубежьи, и тамъ, въ подъяремьи — онъ продолжалъ жить, страдать и творить на всѣхъ путяхъ и языкахъ искусства. Но слышимъ ли мы его? Узнаемъ ли мы его? Научились ли мы отличать художественное отъ гнилостнаго, великое отъ пошлаго, цѣлительное отъ погибельнаго, мудрость отъ соблазна? Или намъ нужны еще очистительныя испытанія и страданія?

Умудримся же и научимся! Россіи нуженъ духъ чистый и сильный, огненный и зоркій. П у ш к и н ы м ъ опредѣляется онъ въ нашемъ великомъ искусствѣ; и его завѣтами Россія будетъ строиться и дальне.

И. А. Ильинъ.
